

Комбат Найтов

**СТАЛЬ С ГОЛУБЫМ
УЗОРОМ**

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Н20

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 91

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Н20 **Найтов, Комбат**

Сталь с голубым узором: роман / Комбат Найтов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-099150-1

Дейр-эз-Зор, Латакия, Тартус, Дамаск, Эр-Ракка, Тияз... Еще недавно эти названия большинству проживающих на территории бывшего СССР ничего не говорили. Их как бы не было... И вдруг ими заполнился эфир, Интернет, газеты. Война, ВКС оказывают помощь «режиму Асада», действуя с базы Хмеймим. Война идет там давно, с перерывами на некоторое время, страна меняла названия, ее захватывали и порабощали. Вставали и разрушались города, цивилизации, религии. Особенно тесно переплетаются наши взаимоотношения начиная с середины 50-х годов прошлого столетия, когда летчики-«корейцы», прошедшие корейскую войну, взялись за обучение летчиков-сирийцев. «Режим Асада» начал свое восхождение оттуда.

Наша страна не случайно помогает Сирии выстоять в этой беспрецедентно жестокой и кровавой войне за «Большой Ближний Восток». Это наш шанс сдержать нацеленный в конечном счете на нас удар противника.

Но что бы было, если события пошли чуть по-другому, чем в нашей истории? Что, если добавить немного альтернативы?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Комбат Найтов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-099150-1

Этот город известен со времен египетских фараонов, с греческого его название переводится как «обильно политое место». Воды там немного, небольшой оазис вдоль довольно мелководной реки, которая лишь в отдельные годы бывает полноводной. Так что поливали явно не водой. По легенде именно здесь был открыт, а затем утерян секрет булатной стали. Это не совсем правда, но легенда красивая. Здесь пересекались интересы всех великих цивилизаций человечества, за исключением инков, майя и ацтеков. Последних совсем не волновал этот уголок пустыни. Остальные дрались за обладание этими местами, как сумасшедшие. И поливали эту землю кровью. Наверное, кедры на крови растут лучше. Город многократно на протяжении истории переходил из рук в руки. На него претендовали все: и египтяне, и персы, и ассирийцы, и греки, и даже иудеи. Потом он принадлежал римлянам, византийцам, арабам, османам, французам, англичанам. И после той войны стал столицей Сирии.

Собственно, эта история началась задолго до того, как началось это описание, в 1946 году, в маленьком городишке Фултон, в штате Мис-

сури, когда находившийся на отдыхе как частное лицо некогда могущественный политик объявил о начале новой мировой войны. Проиграв предыдущую, неутомимый борец «за мир», за весь мир, возложил ответственность за новый миропорядок на Соединенные Штаты. Как и раньше, основным дипломатическим приемом в этих планах предусматривалась «дипломатия канонерок», только вместо Юнион Джека на их мачтах должна была болтаться звездно-полосатая тряпка. Америка, выкормившая Гитлера и с его помощью поставившая на колени бывшую метрополию, была готова подхватить валявшуюся под ногами власть над миром, но им мешал дядюшка Джо, сумевший поломать хребет заботливо выращенному щенку американского капитала и при этом заметно укрепивший свои позиции на одной шестой части земного шара. Он не кинулся получать «халявные кредиты» у новых владельцев мира, а старательно поднимал из руин войны собственную экономику, рассчитывая в первую очередь на собственный народ, доказавший всему миру свое право на существование.

Войну в Европе выиграли они. Разгром Японии на суше и на островах показал всему миру, что в этом мире родилась новая мощь, но теперь из-за океана дядя Сэм грозил им эй-бомбой.

Но в СССР на эту угрозу через четыре года после войны ответили своей бомбой, и тогда в действие вступили другие правила игры, ведь

истинные джентльмены выдумывают свои правила для собственного удобства.

Борьба двух мировых систем захватывала в свой ареал все больше и больше стран, и как-то в один из осенних дней на аэродроме «Фрунзе-1» приземлился Ан-12, из которого на перфорированное железо стоянки вышли молодые люди в незнакомой темно-серой форме. Их построили и распределили по местам будущей службы — 5-й ЦК ПУАК, или в/ч 15590*, имел в своем составе четыре больших аэродрома, из которых «Фрунзе-1» был самым маленьким. Здесь стояли самые большие в мире на тот момент вертолеты Ми-6 и фронтовые бомбардировщики Ил-28, истребителями занимался 1-й (651-й) полк в Луговой и 2-й (652-й) полк в Канте.

Среди прибывших курсантов был худощавый молодой человек с небольшими усиками. Его звали Хафез. Он попал во второй полк, и через несколько дней состоялся его первый вылет на УТИ-15. Молодой, худощавый, одетый в комбинезон песчаного цвета инструктор вызвал его из строя. Говорил он по-французски — на языке, который понимали все приехавшие из Сирии курсанты:

— Лейтенант Хафез аль Асад! Выйти из строя!

* Центральные курсы по подготовке и усовершенствованию авиационных кадров.

— Я!

— Вам предстоит ознакомительный полет на реактивном истребителе УТИ-15. Во время полета запрещается противодействовать действиям инструктора. Ноги и руки на приборы управления разрешается ставить только в случае, если вы можете контролировать собственные действия. Требуется находиться на связи с выполняющим полет инструктором и быстро выполнять его требования. Курсант лейтенант Асад! Вам понятен смысл моих требований?

— Да, господин инструктор!

— К машине!

— Есть!

Хафез сел во вторую кабину — это место инструктора, в первой кабине расположился сам инструктор. Техник проверил, застегнуты ли ремни у курсанта, подсоединена ли радиостанция и СПУ. Довольно резко приказал убрать ноги с педалей.

— Есть, мсье!

Тяжелые летные ботинки переместились под катапультируемое кресло, в наушниках опять послышалась французская речь инструктора:

— Курсант! Вы готовы?

— Да, мсье! К полету готов!

— К запуску!

Дальше пошла непереводаемая игра слов и выражений, которую предстояло выучить Хафезу. Она называлась «молитвой» и состоя-

ла из действий и докладов в центр управления полетами о состоянии вылетающего истребителя. Инструктор за действиями курсанта особо не следил.

— Готов?

— Да, мсье!

— Поехали, мусью!

Несколько раз истребитель резко тормозил, клюя носом в полосу, затем раздался свист турбины, нос совсем опустился, и раздался скрежет почти проворачиваемых колес на взлетном режиме. Затем нос подскочил вверх, и Хафеза вдавило в кресло пилота.

— Отрыв! Шасси убраны!

— Не ушатай араба! — разобрал малознакомый язык лейтенант.

— Я — четвертый, в наборе.

Истребитель стремительно набирал высоту, Хафез несколько раз продулся, выравнивая давление в кабине и в ушах. МиГ заложил довольно крутой вираж и выровнялся на курсе.

— Вошел в зону пилотажа, прошу добро!

— Четвертый, вам добро! Успехов!

МиГ резко встал на дыбы, и вновь взревел двигатель, издавая стремительный свист. Переворот, вираж — содержимое желудка курсанта несколько раз сильно просилось наружу, но он понимал, что ознакомительный полет делают для того, чтобы выяснить профессиональную пригодность курсанта к дальнейшему

обучению. За внутренними органами требовалось следить. До этого лейтенант летал только на Мессершмитте-109F и на Фокке-Вульфе-190D-C. Реактивную технику он приехал осваивать в СССР. Только что закончилась война в Корее, где русские доказали американцам, что достичь Москвы на их «гробах» не удастся. А Сирия и Египет очухивались после первой «войны-катастрофы», где под ударами израильско-англо-французского контингента их надежды ликвидировать Израиль растаяли, как дым.

Всего через двадцать минут самолет закончил исполнение фигур высшего пилотажа и пошел «коробочкой» для захода на посадку. Но даже такой короткий полет залил спину Хафе-за потом, чувствовалось, как по ней катятся капельки, хотя за бортом минус тридцать-сорок градусов, и в кабине не было слишком жарко.

- Как себя чувствуешь, курсант?
- *Bien, très bien, monsieur instructeur!*
- Мокрый?
- Да! Очень жарко!
- Привыкай...

Инструктор опять замолчал и на попытку заговорить ответил ударами большого пальца по кнопке СПУ*. Курсант сосредоточился на последовательности управления и старался запомнить местность, расстилающуюся под кры-

* Самолетное переговорное устройство.

лом. Однако большую ее часть скрывало широкое стреловидное крыло, но протекающий Большой Чуйский канал и ряд пирамидальных тополей врезались в память уже навечно. Кант — городишко небольшой, даже по сравнению с небольшим Фрунзе. Это обыкновенная казачья станица, в которой построили сахарный завод, давший название городку. Кант по-киргизски — сахар. Зажглись огоньки выпущенных щитков и шасси. Перископ, помогающий инструктору видеть, что делается впереди, и, если требуется, помогать курсанту, был опущен. Только по выравниванию лейтенант сообразил, что земля уже близко. Касание, и через некоторое время заработали тормоза. Полет окончен. Инструктор осмотрел кабину, взглянул на лицо курсанта, отмахнулся от его рапорта и стал вызывать следующего, а лейтенанту было указано направление в сторону раздевалки. Полеты продолжались уже без него.

Вечером всех перевезли из Канта во Фрунзе. Там в зданиях бывшей медицинской школы еще во время войны было развернуто военное училище летчиков. Городок прозвали Пентагоном. Его окружала глинобитная стена по всему периметру. Часть городка была открыта, и туда можно было попасть с улицы в любое время, а главная часть была отделена тремя КПП от остального города. Курсанты и их казармы находились в закрытой части. Там же были две столовые,

бассейн с десятиметровой вышкой, спортивный городок и несколько одноэтажных зданий учебной части. В каждом глинобитном домике было два класса. Лишь два дома были сложены из нормального кирпича и имели два этажа. Город сам по себе был в основном одноэтажный, но при проезде через него курсантам показали здание театра, Верховного Совета и Республиканского ЦК компартии. Эти дома были типовыми, многоэтажными. Во многих местах шло строительство. Довольно много деревьев, в основном акации и карагачи, а вдоль дорог — пирамидальные тополя, дающие благодатную тень летом. Но сейчас была глубокая осень, пожелтевшая листва неохотно покидала высокие деревья. На первый план после учебы вышла борьба с упавшими листьями, которые норавли засыпать бассейн, дороги и дорожки между зданиями. Начался первый семестр, посвященный изучению техники и переучиванию. Одним из основных предметов стал русский язык. Его вела пожилая, очень красивая женщина, свободно говорящая по-французски с красивым парижским акцентом. Как потом выяснилось, мать того инструктора, который устраивал их взводу провозные полеты. С некоторым удивлением, на каком-то празднике лейтенант увидел их вместе. И у матери, и у сына были боевые ордена. Что это такое, Хафез уже узнал на политзанятиях, которые также входили в программу обучения.

Курсантский состав очень различался между собой: здесь обучались летчики из многих стран. Удручало только одно обстоятельство: за пределы городка курсантов выпускали редко. Был резко ограничен контакт с местным населением, разрешалось посещать только рекомендованные места, типа ресторана при гостинице. Плюс языковой барьер... Было откровенно скучно, и ничего не оставалось делать, как только учиться. Были неутомимые, которые спешили познакомиться с местными девицами, но к таким девочкам подходили неприметные ребята из «органов», и на этом знакомство обычно и заканчивалось. И потом началась зима, совсем непривычное время для большинства курсантов. Несмотря на то что это юг СССР, она выдалась холодной и с пронзительными ветрами, а как только потеплело, всех перевезли в Кант, в военный городок неподалеку от аэродрома на правом берегу Большого Чуйского канала. Лишь единожды удалось немного пообщаться с девушками: взвод вывезли на строительство Комсомольского озера в Карагачевой роще. Там собралось много молодежи. Они насыпали плотину через небольшой ручей, который впоследствии станет любимым местом отдыха горожан и курсантов. Но завязать плотное знакомство со студентками педагогического института в тот раз Хафезу не удалось. Были счастливики, которым повезло больше, но на назначенное сви-

дание лейтенант попасть не сумел и не знал, что две девушки ждали его в назначенном месте, а потом обиделись и ушли. Впрочем, начались полеты, поэтому времени на посещение Фрунзе практически не стало. Маленький Кант в течение полугода был постоянным местом обитания, а затем, после прохождения программы переучивания и получения права на самостоятельные вылеты, всех перевели в первый полк и отправили еще дальше от шума городского в затерянный в степи небольшой военный городок Луговая, в Казахстане. Там, после провозных полетов, началось основное переучивание: освоение тактики действий реактивной авиации и практическое боевое применение. Там он опять попал в эскадрилью Петра, того самого летчика, который вывозил его впервые, и до конца курсов был в составе третьей учебной эскадрильи. Немногословный Петр так и не сказал, откуда он знает так много о действиях американских и других натовских военных.

Городок в степи был разделен шоссе и рекой на три неравные части: «белый» и «черный» городки и «полк». Межой служил мост через ручей, под которым жило большое количество змей. Перед ним стоял КПП, который по идее не должен был пропускать посторонних людей в распоряжение. В трехстах метрах от него в сторону железнодорожной станции Лу-

говая стоял клуб полка, за ним три магазинчика Военторга. Сразу за магазинами была сделана спортплощадка с футбольным и волейбольным полями. За дорогой начинались длинные бараки «черного» городка. Там в основном жил технический состав и военнослужащие БАО. Слева от основной дороги стояли двухквартирные коттеджи летного состава. Обозначение городков было связано с цветом формы людей, спешащих утром на аэродром: слева из «черного» городка выходили люди в замасленных черных спецовках, а справа к КПП по дороге и напрямую через степь шли фигуры в бежевых комбинезонах, которые еще и выгорали на солнце полностью до белого цвета. Но в городке жили только русские! Курсанты располагались за КПП на территории полка. Их казармы были слева от дороги, недалеко от небольшого пруда. Чуть глубже находился штаб полка, справа от него — штабы эскадрилий, затем две большие столовые — летного и технического состава. Слева от них — казармы рядового состава полка, батальона аэродромного обслуживания и роты охраны. Справа от дороги располагались учебные здания и начинался технический городок — склады, автостоянки. Все вокруг было густо усажено ивами и карагачами, тополи были не в чести, так как много пуха давали, а это вредно действует на фильтры самолетов. Чуть правее КПП, если смотреть из городка, начи-